

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОТДЕЛЕНИЯ ЭТНОГРАФИИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакцію Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанского

Выпускъ III и IV

годъ седьмой

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія князя В. П. Мещерскаго. Спасская ул., № 27

1898

Сказания о поездкахъ осяцкихъ князей къ русскимъ царямъ.

Вскорѣ послѣ покоренія Сибирскаго царства въ русскій станъ стали являться инородческіе князьки изъ окрестныхъ странъ съ изъявленіемъ покорности. Русскіе правители и губернаторы принимали ихъ ласково, одаривали ихъ, и, наложивъ на подвластные имъ народы ясакъ, съ почетомъ отправляли ихъ домой. Нѣкоторые изъ такихъ князьковъ пожелали передать себя и свой народъ во власть Россіи не иначе, какъ при посредствѣ самого государя, что имъ не возбранялось. Таковъ былъ осяцкій князекъ Лугуй, который въ 1586 г. ѻздилъ въ Москву, чтобы въ первопрестольной столице принять русское подданство. Феодоръ Ioанновичъ принялъ его ласково и далъ ему охранительную грамоту. Его примѣру послѣдовали и другие князьки. Такъ, въ 1600 г. въ Москву прїѣжалъ жаловаться на грабежи осяцкаго князька Игичея и его союзниковъ—русскихъ—правитель Кондинскихъ вогульцевъ Курманакъ Танаевъ, а нѣсколько лѣтъ раньше туда же былъ отправленъ плѣненный вогульскій князекъ Агай съ сыномъ. Поездки осяцкихъ и другихъ князьковъ по разнымъ обстоятельствамъ въ столицы имѣли мѣсто и въ послѣдующіе периоды времени. Нѣкоторымъ изъ нихъ посчастливилось посетить Петербургъ два раза (напр. Ив. Матв. Тайшину).

Само собою разумѣется, что эти поездки въ многолюдныя блестящія столицы, гдѣ князьки иногда удостаивались приема во дворцѣ, не могли не оставить глубокаго слѣда въ умахъ такихъ дѣтей природы, какими въ прежнее время были осяки и вогулы. Въ длинные зимніе вечера, когда старъ и младъ собираются въ тѣсной юртѣ у пылающаго огонька, старики, уступая настоятельнымъ просьбамъ молодежи, начинаютъ свои безконечные рассказы о прежнихъ людяхъ, о богатыряхъ и князькахъ. Не забываютъ они при этомъ и о путешествіяхъ послѣднихъ къ Бѣлому царю. Передаваясь изъ уста въ уста, подобные рассказы съ теченіемъ времени изукрасились народной фантазіей и приняли въ большей или меньшей степени сказочный характеръ.

Къ числу такихъ разсказовъ принадлежать и ниже приведенные два сказания о посѣщеніяхъ осяцкими князьками и богатырями русскихъ царей, записанныя въ 1887 г. въ Тобольскомъ округѣ.

1. Лѣтъ триста тому назадъ, когда въ краѣ было еще очень мало русскихъ, вся земля всепѣло принадлежала остыкамъ, которые управлялись своими князьками. Лѣсъ тогда изобиловал пушниной и дичью, а воды—рыбой, въ виду чего остыкамъ жилось недурно. Они не только могли исправно вносить ясакъ царю, но и дѣлать хороши подарки своимъ князькамъ, некоторые изъ которыхъ, накапливая изъ года въ годъ пушнину и вымѣненные на нее серебро, шелковые ткани и деньги, пріобрѣли значительныя богатства.

Но съ теченіемъ времени обстоятельства измѣнились: русское населеніе стало расти, остыцкое бѣднѣть и убывать. Пушнины уже добывалось меньше, и князьки не только не получали болѣе подарковъ, но то и дѣло должны были выручать обнищавшихъ недоимщиковъ. Къ тому же стали ходить слухи, что то тотъ, то другой изъ амбарчиковъ, посвященныхъ весьма почитаемымъ остыцкимъ богамъ, подвергся ограбленію со стороны русскихъ вольныхъ людей.

Видя, что сохранить свои богатства при такихъ обстоятельствахъ не представляется возможнымъ, многіе изъ остыцкихъ и вогульскихъ князьковъ приняли рѣшеніе закопать ихъ въ землю. Такъ же поступилъ между прочимъ и одинъ князекъ, имя котораго не сохранило преданіе, правившій надъ Чиликанскими и сосѣдними остыками. Про этого князька разсказываютъ, что онъ не только былъ мудрымъ правителемъ, но и отличался замѣчательной физической красотой: на лбу у него сверкала звѣзда, а на затылкѣ свѣтиль ясный мѣсяцъ. Но подданные его обѣ этомъ ничего не знали, потому что онъ, не желая смущать ихъ этимъ чудомъ, постоянно носилъ на головѣ соболью шапку.

Желая привести въ исполненіе задуманную имъ мысль, онъ нанялъ русскихъ крестьянъ, которые должны были совершить всю указанную работу съ завязанными глазами. Они выкопали въ одномъ бору 40 погребовъ, въ которые самъ князекъ опустилъ 40 ящиковъ съ драгоцѣнностями. Затѣмъ ямы были засыпаны и сравнены съ землей. Крестьяне получили право развязать глаза лишь тогда, когда они прибыли въ юрты. Такимъ образомъ, никто кроме самого князька не зналъ, гдѣ закопанъ кладъ.

Это произошло въ ту эпоху, когда указанный князекъ былъ еще язычникомъ или по выражению остыковъ: „покланялся шайтанамъ“. Приходя однако съ теченіемъ времени въ болѣе близкое соприкосновеніе съ русскими, онъ возъимѣлъ желаніе креститься. Своимъ богамъ онъ уже мало довѣрялъ. Дѣйствительно, онъ постоянно дѣлалъ имъ богатые «приклады», въ надеждѣ, что они даруютъ ему удачу въ рыбной ловлѣ и на охотѣ, но весьма часто случалось, что они не исполняли своихъ обѣщаній. Но что еще болѣе убѣдило его въ ихъ без силіи, это что они не были въ состояніи отомстить русскимъ

людямъ за оскверненіе своей святыни: святотатцы не только не были поражены громомъ, но у нихъ даже руки не отсохли послѣ этого.

Будучи знатнаго рода, князекъ однако желалъ имѣть крестнымъ отцемъ какого нибудь русскаго столь же знаменитаго происхожденія, какъ и онъ. Такихъ же лицъ въ тѣ времена, не смотря на его поиски, нельзя было найти въ цѣломъ краѣ, и князекъ по совѣту стариковъ рѣшилъ обратиться по этому поводу къ Бѣлому царю, къ которому по слухамъ уже ъздило двое князьковъ. Но осуществить эту заманчивую мысль оказалось дѣломъ нелегкимъ: вѣдь царь его конечно не станетъ крестить даромъ, а богатствъ у него болѣе не имѣлось, онъ даже забылъ мѣсто, гдѣ были закопаны его драгоцѣнности. Какъ быть? Онъ думалъ три дня и три ночи и ничего не могъ придумать. Тогда онъ, будучи хорошимъ «промышленникомъ» (охотникомъ), рѣшилъ испытать свое счастье на охотѣ. Богъ, должно быть, русскій, ему помогъ: ему посчастливилось найти гнѣздо съ молодыми лисицами, одна изъ которыхъ оказалась совсѣмъ необыкновенной. Шерсть у нея была золотистая и имѣла такой ослѣпительно яркій блескъ, что его съ трудомъ могъ выносить глазъ. Вотъ эту лисицу онъ и приготовилъ въ подарокъ царю. Бережно содравъ съ нея шкуру, онъ завернулъ ее въ чистый бѣлый платокъ и въ радостномъ настроеніи отправился домой.

Черезъ день онъ былъ уже въ пути, а мѣсяца черезъ два въ столицѣ. Не останавливаясь, чтобы отдохнуть, онъ прямо направился ко дворцу. Здѣсь его встрѣтила старушка, которую онъ просилъ доложить царю, что къ нему прїхалъ издали гость. Старушка не рѣшилась исполнить его просьбу и онъ рискнулъ пойти безъ доклада. У первыхъ дверей его встрѣтилъ часовой, который его окликнулъ. Князекъ ему сказалъ, что идетъ къ Бѣлому царю по важному дѣлу, и тотъ его пропустилъ. Онъ прошелъ три комнаты и у четвертой опять наткнулся на часоваго, который его опять спросилъ, кто онъ и зачѣмъ идетъ во дворецъ. Князекъ отвѣтилъ, какъ раньше, и часоваго его пропустилъ. Пройдя мимо послѣдняго часоваго, князекъ вошелъ въ большую и богато убранную горницу, въ которой находился царь, и отвѣсилъ послѣднему низкій поклонъ, не снявши шапки. Государь съ нимъ поздоровался и спросилъ: «ты что за человѣкъ будешь и отчего предо мной шапки не снимаешь?» Онъ отвѣчалъ: «я остяцкій князь, прїхавшій къ тебѣ изъ далекой Сибири по небольшому дѣлу. А что я шапки передъ тобой не снялъ, то это, чтобы тебя не испугать, Ваше Императорское Величество». Царь усмѣхнулся и сказалъ: «Я не изъ трусливыхъ, можешь смѣло снять шапку». Остяцъ повиновался и сѣѣть, исходившій съ его лба и затылка, внезапно озарилъ всю комнату. Государь смѣкнулъ, что передъ нимъ человѣкъ необыкновенный, и сталъ съ нимъ еще ласковѣе. Онъ его усадилъ за свой столъ и сталъ

угощать заморскими кушаніями. По окончаніи пира остыкъ началъ ему излагать причину своего прїзыва: „Видиши ли, Ваше Императорское Величество, мнѣ теперь 35 лѣтъ, и я по сей часъ не крещенъ. Прїѣхалъ я сюда, чтобы принять святое крещеніе и просить твою милость быть моимъ крестнымъ отцемъ“.— „Что-жъ это можно“, отвѣтилъ Государь. Тогда остыкъ вытащилъ изъ подъ „гуся“ платокъ, въ которомъ была завернута лисья шкурка съ золотымъ руномъ, и подалъ ее царю. Царь охотно принялъ подарокъ, „подивовался“ на диковинку и поблагодарилъ остыка. „Что-же тебѣ дать взамѣнъ?“ спросилъ онъ. „Дай мнѣ три куска золота, Ваше Императорское Величество“, отвѣчалъ остыкъ. Государь велѣлъ принести три куска золота и передать гостю, который взялъ себѣ лишь одинъ, возвративъ царю остальные два въ видѣ обратнаго дара.

Государь крестилъ князька и по своей фамилии нарекъ ему имя Романъ. Послѣ онъ женился, давъ ему въ жены одну изъ самыхъ красивыхъ придворныхъ дѣвокъ. Послѣ знатной свадьбы, которая была устроена во дворцѣ, молодые отправились въ Сибирь. По дорогѣ молодуха стала тосковать, что ей придется всю жизнь проводить въ глухи, среди лѣсовъ и болотъ. Она рѣшила избавиться отъ своего мужа и отравила его суперомъ, послѣ чего вернулась въ Питеръ.

Въ память погибшаго князька Романа родственники его, также принявши крещеніе, выстроили возлѣ своихъ юртъ церковь, вокругъ которой впослѣдствіе выросло большое село, названное по имени остыцкаго князька— Романовскимъ. Оно находится въ южной части Деньщиковской волости (Тоб. окр. и губ.)^{*}). Отъ прежнихъ же остыцкихъ юртъ сохранились лишь два дома, въ которыхъ проживаютъ обруслы остыки, считающіе себя потомками княжеской фамилии. Эти, такъ называемыя, Романовскія юрты расположены у самаго села и приналежатъ къ Верх.-Демьянской волости.

2. Въ далеко прошедшее время близъ Троицкихъ юртъ, на Оби, проживало два великихъ богатыря, прозванныхъ по мѣсту, откуда они происходили, „Стариками съ вершины рѣчки“ (Ега-тей-игенгенъ). Одинъ изъ нихъ носилъ имя „Старшаго богатыря“ (Энэ-уртъ), другой „Младшаго богатыря“ (Ай-уртъ). Когда русскіе завоевали край и стали крестить народъ, этихъ бога-

^{*}) Замѣтимъ здѣсь къ слову, что факты, сообщаемые исторіей относительно возникновенія с. Романовскаго, близко подходятъ къ событиямъ, изложенными въ нашемъ сказаніи. Остыцкій князекъ Романъ, давшій имя означеному селу, правилъ вмѣсть съ князькомъ Нимнѣяномъ надъ Демьянской волостью, расположенной около устья р. Демьянки. По взятии казаками ихъ городка, онъ, какъ гласитъ исторія, ушелъ на Конду. Невыясненнымъ въ исторіи однако остается вопросъ, какимъ образомъ воглавивъ незавоеванной волости языческихъ остыковъ могъ находиться князекъ, носившій христіанское имя,—обстоятельство, на которое обратили вниманіе и сами историки.

тыреи уже не было въ живыхъ, но на мѣстѣ ихъ жительства благочестивыми остыками были выстроены амбарчики, въ которыхъ хранились ихъ изображенія.

Съ этихъ идоловъ или, по выражению инородцевъ, „ликовъ“ попъ и хотѣлъ начать крещеніе народа, но, несмотря на всѣ старанія, не могъ ихъ розыскать. Они внезапно скрылись неизвѣстно куда. Черезъ нѣкоторое время однако пронесся слухъ, что эти высокочтимые боги хранятся гдѣ то по близости у одного остыка.

Посланые въ числѣ 10 человѣкъ, прия въ указанныя юрты, розыскали амбарчики, въ которыхъ хранились изображенія боговъ, и хотѣли отвезти ихъ въ церковь для совершенія надъ ними таинства крещенія. Но они не только не были въ состояніи захватить съ собой „лики“, но даже сдвинуть ихъ съ мѣста. Послали еще за людьми, но и тѣ ничего не могли сдѣлать. Въ этомъ безвыходномъ положеніи русскіе обратились къ ихъ хозяину и попросили его помочь имъ исполнить приказаніе царя. Остыкъ былъ покладистый и одинъ съ легкостью вынулъ ихъ изъ амбарчиковъ и передалъ имъ.

Когда царь услышалъ объ этомъ чудѣ, то повелѣлъ привести эти лики къ себѣ, не взирая ни на какія препятствія. Посланые запрягли большія сани и съ помощью остыка положили на нихъ этихъ боговъ, но, несмотря на всѣ свои старанія, нѣсколько людей и десять лошадей не были въ состояніи сдвинуть саней съ мѣста. Побились, побились и опять принуждены были обратиться къ содѣйствію ихъ хозяина, который за небольшое вознагражденіе взялся доставить боговъ къ самому царю. Онъ хлыстнулъ лошадей, и онъ помчали сани съ быстротою вѣтра.

Долго ли, коротко ли онъ вхалъ, но онъ прибылъ въ столицу и подѣхалъ прямо ко крыльцу дворца. Царь принялъ гостей въ своихъ хоромахъ и первымъ дѣломъ снялъ съ нихъ портретъ. Самихъ боговъ царь пожелалъ оставить у себя въ комнатѣ. Узнавъ изъ разговора съ остыкомъ, что они еще не крещены, онъ „осерчалъ“ и рѣшилъ ихъ сжечь, а ихъ хозяина казнить. Не теряя времени, онъ сѣлъ за столъ и сталъ писать приказъ объ этомъ. Онъ писалъ, писалъ, но скоро его начала одолѣвать дремота, и онъ, не окончивъ бумаги, положилъ ее подъ подушку и заснулъ.

На другой день Государь вспомнилъ о бумагѣ и рѣшилъ ее окончить. Но каково было его изумленіе, когда вместо написанныхъ имъ строкъ онъ прочелъ слѣдующее: „ты нась не жги, такъ какъ повредишь черезъ это себѣ самому: ты царь и все равно что русскій Богъ, а мы остыцкіе богатыри и боги. Если ты нась обидишь, то мы пойдемъ къ другимъ царамъ и будемъ съ нами въ союзѣ. Мы нашлемъ на твое войско каменныхъ и желѣзныхъ волковъ, которые его истребятъ. Если же ты нась не тронешь, мы всегда будемъ стоять за тебя“.

Царь прочелъ бумагу, претерпѣла глаза и, удивившись, что онъ не спитъ, опять сѣлъ писать бумагу въ прежнемъ духѣ. И этотъ разъ онъ задремалъ, не успѣвши ее окончить, и опять на другое утро нашелъ, что вмѣсто приказа о казни у него подъ подушкой лежитъ бумага съ разными предостереженіями въ родѣ вышеприведенныхъ. Собравшись со всѣми силами, царь сталъ писать третій приговоръ и, несмотря на сильную дремоту, дописалъ его до конца, но тутъ же свалился отъ усталости и крѣпко уснулъ. Посреди ночи онъ какъ бы во снѣ услышалъ звонъ колокольчика и затѣмъ громовой ударъ. Онъ внезапно пробудился и увидѣлъ какъ бы молнию, сверкнувшую въ комнатѣ и ушедшую черезъ разверзшіяся потолокъ и крышу на небо. Государь осмотрѣлся вокругъ и замѣтилъ, что „лики“ остыцкихъ боговъ исчезли. Онъ сунулъ руку подъ подушку, чтобы разорвать ненужный теперь приказъ, но вмѣсто приказа нашелъ бумагу, на которой было написано: „ты, Государь, не казни нашего хозяина, иначе ты не будешь имѣть счастья въ бою, вспомни наши слова!“ Царь подумалъ, подумалъ и, решивъ, что въ предстоящихъ войнахъ помочь остыцкихъ богатырей ему можетъ пригодиться, отпустилъ инородца съ миромъ.

Богатыри Ега-тей-игенгень улетѣли въ родную Сибирь и поселились гдѣ-то на Оби, хотя по временамъ показывались и въ другихъ мѣстахъ, напр. въ Нахрачахъ, священномъ селеніи Кондинскихъ ногульцевъ. Вѣрные своему слову они принимаютъ участіе во всѣхъ войнахъ, которые ведутъ русскіе, истребляя ихъ враговъ въ видѣ желѣзныхъ и каменныхъ волковъ. За эти заслуги остыцкихъ богатырей русскіе цари освободили всѣхъ остыковъ отъ воинской повинности.

C. Паткановъ.